

Сергей Курий

КАК КРАСНАЯ РОЗА ПРЕВРАТИЛАСЬ В АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК?



Русская версия сказки «Красавица и Чудовище» принадлежит перу Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859). Именно «перу», потому что, если верить самому писателю («Даром чистого вымысла я вовсе не владею»), он просто пересказал услышанное. Классический сюжет Лепренс де Бомон был как бы пропущен через сито народного пересказа и приобрёл свои национальные черты...

Случилось так, что осенью 1854 года в подмосковную помещичью усадьбу Абрамцево, где тогда жил Аксаков, приехал его сын Григорий со своей пятилетней дочкой Олей. Дедушка рассказывал внучке истории из своего детства, а 26 декабря, когда ей исполнилось 6 лет, пообещал выпустить их отдельной книжкой.

Недаром рабочее название будущей книги было «Дедушкины рассказы», а первоначальное название вошедшей в неё сказки — «Оленькин цветочек».

Из поздравления С. Т. Аксакова внучке Оле:

*Если Бог даст силы,
Ровно через год
Оле, внучке милой,
Дедушка пришлёт
Книжку небольшую
И расскажет в ней
Про весну младую,
Про цветы полей...*



*Аксакова Ольга Григорьевна
(1848-1921)*

С. Т. Аксаков: «Я желаю написать такую книгу для детей, какой не бывало в литературе... Тайна в том, что книга должна быть написана, не подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых и чтоб не только не было нравоучения (всего этого дети не любят), но даже намека на нравственное впечатление и чтоб исполнение было художественно в высшей степени».

В срок Аксаков не успел. Своё обещание внучке он выполнил буквально за год до своей смерти — в 1858 году, когда были изданы «Детские годы Багрова-внука».



Книга вошла в классику русской литературы, однако наибольшую популярность обрела та самая сказка, которая теперь называлась «Аленький цветочек». Чтобы не прерывать ход повествования, Аксаков решил изъять сказку из основного текста мемуаров и сделать приложением.

«Аленький цветочек» имел подзаголовок — «Сказка ключницы Пелагеи». В этом не было никакой писательской уловки. Пелагея действительно существовала и, если верить писателю, именно ей и принадлежат лавры истинного автора знаменитой сказки. Это была крепостная женщина со сложной судьбой. В юности она сбежала со своим отцом от жестоких помещиков Алакаевых в Астрахань, где была в наймах у «купцов персиян». Возможно, именно в этой среде она наслушалась колоритных восточных сказок (этот колорит заметен и в «Аленьком цветочке»).

Однажды Пелагея узнала, что «перешла» по наследству дедушке Аксакова («господину строгому, но справедливому и доброму»). С. Т. Аксаков в своих «Воспоминаниях» (1856) писал: *«Дедушка обрадовался такому кладу, и как он уже начинал хворать и худо спать, то Пелагея, имевшая еще драгоценную способность не дремать по целым ночам, служила большим утешением больному старику. ...Образ здоровой, свежей и дородной сказочницы с веретеном в руках за гребнем неизгладимо врезался в мое воображение, и если бы я был живописец, то написал бы ее сию минуту, как живую».*



Ключница Пелагея. Авторская кукла Е. Оскотской

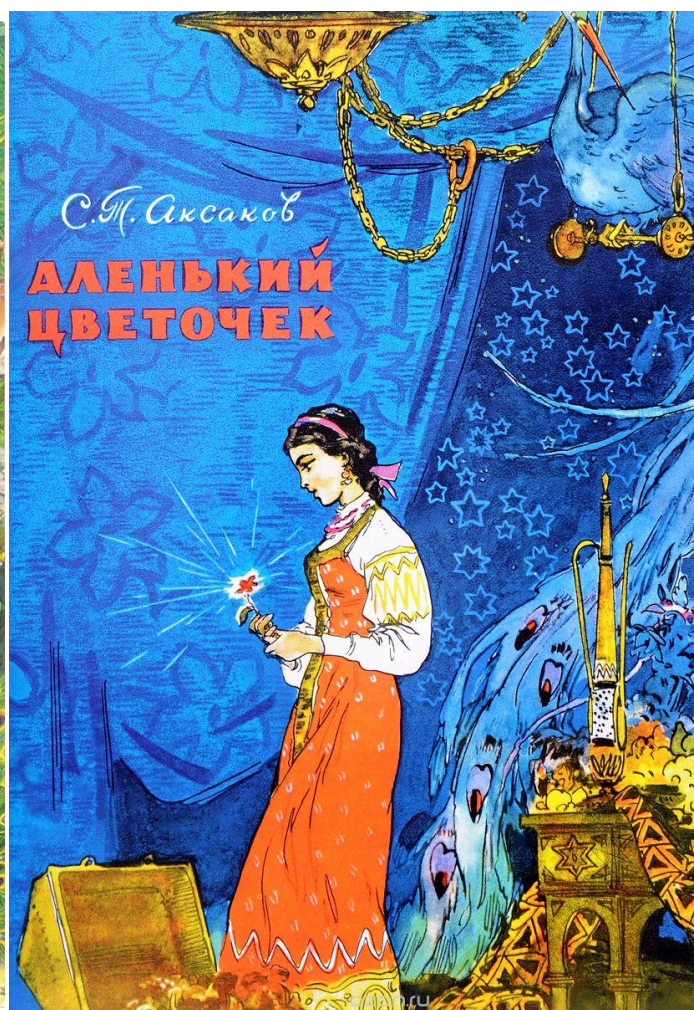
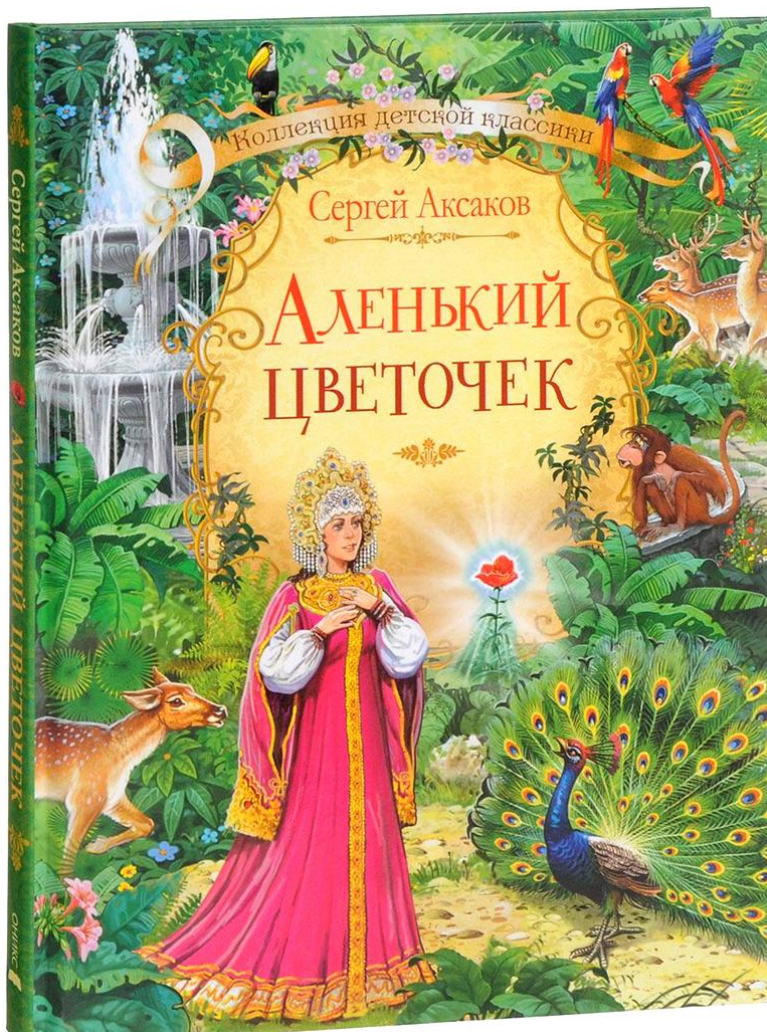
Развлекала Пелагея и маленького Серёжу Аксакова, когда тот хворал: «Пришла Пелагея, немолодая, но еще белая, румяная... села у печки и начала говорить, немного нараспев: «В некиим царстве, в некиим государстве...». Нужно ли говорить, что я не заснул до окончания сказки, что, напротив, я не спал долее обыкновенного? На другой же день выслушал я в другой раз повесть об «Аленьком цветочке». ...Эту сказку, которую слышал я в продолжение нескольких годов не один десяток раз, потому что она мне очень нравилась, впоследствии выучил я наизусть и сам сказывал её, со всеми прибаутками, ужимками, оханьем и вздыханьем Пелагеи. Я так хорошо её передразнивал, что все домашние хохотали, слушая меня. Разумеется, потом я забыл свой рассказ; но теперь, восстанавливая давно прошедшее в моей памяти, я неожиданно наткнулся на грудку обломков этой сказки; много слов и выражений ожило для меня, и я попытался вспомнить её».

Конечно, сказка была явной вариацией на тему «Красавицы и Чудовища», но каким образом, через сколько «рук» она дошла до Пелагеи — неизвестно. Аксаков признавался, что был удивлён, когда встретил знакомый сюжет: сначала — в переводном сборнике Лепренс де Бомон «Детское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разных лет ученицами», затем — в постановке оперы «Земира и Азор» в Казанском театре.



В устах Пелагеи «Красавица и Чудовище» звучала как истинно русская народная сказка с традиционными повторами и характерными словечками и оборотами: «в тридевятое царство, в тридесятое государство», «думали они три дня и три ночи», «продает он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева», «писаная красавица», «туалет» (в данном случае — «зеркало»), «муравчатый» (т.е. «поросший травой»).

«Аленький цветочек» вышел русским не только по форме, но и по духу. Если в западной версии роза играет второстепенную роль, то в русской Аленький Цветочек — это центр повествования, некая тайна, мистический духовный символ, резко контрастирующий с материальными запросами других сестёр. Недаром с виду простая просьба младшей дочери оказывается для купца и самой сложной («Аленький цветочек не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете?»).



По-русски вежливо и целомудренно звучит обращение девушки к Чудищу: *«Если ты стар человек — будь мне дедушка, если середович — будь мне дядюшка, если же молод ты — будь мне названный брат, и поколь я жива — будь мне Сердечный друг»*. В том же духе говорит и Чудище: *«Не господин я твой, а послушный раб»*.



Художник Б. А. Диодоров

Немало в «Аленьком цветочке» и сюжетных особенностей. Например, в отличие от версии Бомон, у купца нет сыновей, а количество дочек сокращено до сакральной троицы. Если у Бомон Красавица видит облик Чудовища сразу, но вида не подаёт, то у Аксакова Чудище долго общается с девушкой с помощью «огненных словес», появляющихся на стене (христианин тут же узнает в этом библейскую сцену «Валтасарова пира»). Когда же Чудище открывает свой облик, то девица падает в обморок. Оно и не мудрено — в отличие от Бомон, Аксаков даёт весьма детальный портрет монстра: *«...руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади горбы великие верблюжие, весь мохнатый от верху донизу, изо рта торчали кабаньи клыки, нос крючком, как у беркута, а глаза были совиные»*. Кстати, именно таким постарался изобразить Чудище Николай Алексеевич Богатов, который первым из художников проиллюстрировал сказку в 1870-х годах. «Аленький цветочек» стал самым издаваемым произведением Аксакова, которое до конца советской эпохи отодвинуло на задний план французский первоисточник.

Интересно, что отзвуки сюжета «Аленького цветочка» можно увидеть в русских народных сказках из сборника А. Афанасьева, изданных в 1855—1863 (см. сказку «Заключённый царевич» и второй вариант «Финиста ясна сокола»).

Сказку Аксакова не раз ставили на сцене и экранизировали. Например, спектакль «Аленький цветочек», впервые поставленный в 1949 году Московским Театром им. Пушкина, попал в «Книгу рекордов России» как самый долгоживущий детский спектакль. В нём играли такие будущие знаменитости, как Владимир Высоцкий (Леший) и Вера Алентова (Алёнушка — первая роль Алентовой на профессиональной сцене). Как видите, в этом спектакле героиня сказки впервые обретает имя. А вот в замечательном мультфильме 1952 года её зовут Настенькой. Мультфильм до сих пор остаётся лучшей экранизацией «Аленького цветочка». Его снял режиссёр Лев Атаманов, применив технику «эклер», когда роли играли актёры, а потом их движения «обрисовывались». Чудище в этом мультфильме вышло не таким уж страшным — оно больше напоминало косматого «снежного человека» с огромными печальными глазами. К сожалению, оригинальная плёнка так устарела, что мультфильм пришлось не только отреставрировать, но и переозвучить (последнее понравилось далеко не всем).



Спекталь «Аленький цветочек» в Театре им. Пушкина

По мотивам сказки в России также сняли два художественных фильма. Первый — «Аленький цветочек» (1977; реж. — И. Поволоцкая) — получился совсем не детским (в него добавили сюжетную линию с Феей, чью любовь принц отверг). Второй фильм — «Сказка о купеческой дочери и таинственной цветке» (1992; реж. — В. Грамматиков), большая часть которого строится вокруг путешествий купца и борьбы героев с колдуном, обратившим принца. Надо признаться, что ни один из этих фильмов лично меня не зацепил...

Надеюсь, что когда-нибудь в России появится новая экранизация «Аленького цветочка», способная возродить интерес наших детей к отечественной версии «Красавицы и Чудовища».